

М. М. Дадыкина

РЕ-КОНСТРУИРУЯ ГРАНИЦУ ШВЕЦИИ И РОССИИ:

А. А. Селин. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.).

Формирование, функционирование, наследие.

Исторические очерки. Изд. испр. и доп. СПб., 2016

Книга А. А. Селина — о границе между Швецией и Россией в XVII в. Но она — не только о границе. Выстроенная преимущественно на актовом материале архива Посольского стола Новгородской приказной избы и написанная в жанре «плотного нарратива» (*thick narrative*), она является первым большим и серьезным исследованием, которое можно поместить в рамки «пространственного поворота», заданного американской историографией еще в 1970–1980-е гг. Это направление дало различные «побеги», от «человеческой географии» (не слишком удачный перевод *human geography*) до исследования «фронтира» и «приграничья» (*boarding studies*). Краеугольными основами подхода стали дифференциация «пространства» и «места», а также исследование роли человека с его практиками и институтами в контроле над пространством, способах взаимодействия с ним, формировании пространственных образов и их трансформации. Именно об этом, как мне кажется, книга Адриана Александровича, хотя сам он и в предисловии, и в методологических замечаниях к некоторым главам (точнее, очеркам) не использует эти понятия и вообще склонен скорее отмежеваться от всяче-

ских «маркеров», которые могли бы определить концептуально и жанрово его труд¹.

Книга состоит из нескольких очерков, и ее структура (вне зависимости от того, насколько автор задумывался над этим) постепенно погружает читателя в очень плотный исторический контекст. Начинается книга двумя главами, которые как бы очерчивают то «пространство», внутри которого будет происходить дальнейшее действие. Граница разделяет сначала территорию, а потом и людей. При этом сам процесс проведения границы показан «изнутри»: мы видим практики, к которым обращались люди, занимавшиеся межеванием после 1617 г., проходим через сложные и запутанные вопросы определения правильности маркеров, конфликты и компромиссы. Приводимый автором материал источников позволяет увидеть «границу» не как готовую линию на карте, а как сложный конструкт, формирующийся, благодаря не только политическим решениям, но также испытывающий влияние социальных, экономических, культурных факторов.

Следующий очерк, «Миграция и репатриация», логично продолжает тему «разграничения», но теперь процесс затрагивает не пространство, а людей и само понятие «граница» расширяется, выходя за рамки территориальности, поскольку теперь под «границей» должно подразумеваться разделение культурного пространства и тех, кто его формирует. Автору удастся показать широкий спектр факторов, влиявших на выбор людей, переходивших границу, от сознательно принимавших решение о смене подданства, конфессиональной принадлежности, до тех, кто руководствовался скорее сиюминутными практическими соображениями: поиском работы или, наоборот, рабочих рук, попытками укрыться от наказания за преступление, личными симпатиями и антипатиями, трудностями восприятия новых реалий и проч. Важным наблюдением автора является то, что источники не дают никаких оснований говорить о якобы решающей роли религиозного фактора в том, кто и почему переходил на соседнюю сторону. Лютеране переходили на московскую сторону, а православные столь же часто — на ставшую теперь шведской территорию, нисколько не забываясь о том, чтобы сделать это из чувства религиозной соли-

¹ За исключением понятия «фронтир» и актуализации своей работы как примыкающей к «при-» и «трансграничным исследованиям».

дарности или поскорее принять веру соответствующей стороны (с. 173).

С чем нельзя согласиться, так это с выводами А. А. Селина, которые он делает при попытке поставить религиозный фактор в более широкий контекст, утверждая, что, в отличие от шведов и поляков, московская сторона оказывалась более тенденциозна в вопросах веры. Автор ссылается на известное требование московской делегации к Владиславу о переходе в православие как обязательном условии получения русской короны. По мнению автора, шведы и вообще европейцы относились к данному вопросу проще. Но ссылка автора на воспоминания гетмана С. Жолкевского и их интерпретация (с. 172) в данном случае не оправданы: во-первых, Жолкевский — лицо не беспристрастное, и речь тут не о свободе выбора вероисповедания. А во-вторых, если выбирать контекст, куда поместить данную коллизию, то уместнее вспомнить о том, что XVI–XVII вв. вообще крайне отягощены вопросами принадлежности государя к «правильной» (по мнению одной из сторон, конечно) вере, можно вспомнить хотя бы хрестоматийный удачный выбор Генриха Наваррского и неудачный — Якова Стюарта. И в случае с московским образом «правильного» царя все же нельзя забывать о том, что для XVII в. оформившееся противостояние «латинства» и «православия» было не пустым звуком, а определяющим маркером в системе «свой — чужой». Хотя, как отчасти демонстрируют анализируемые автором документы, то, чего какой-нибудь условный «Ивашка» не мог представить для образа «правильного» царя, он вполне допускал для самого себя или соседа.

Разграничение как территориального, так и культурного пространства предполагает не только «незаконную» диффузию, но и вполне правомерные способы установления и поддержания контактов, выполняющие роль своеобразных нитей, сшивающих это разорванное полотно. Очерк IV «Легальные пересечения границы» выводит в этом качестве разнообразные по своим функциям и задачам посольства обеих сторон. В этом очерке, пожалуй, больше, чем в других, проявился просопографический подход автора, хорошо известный по другим его работам. Здесь перед нами развернута галерея главных лиц этих посольств, помещенных в непростые ситуации организации и выполнения возложенной на них миссии. У такого построения текста есть свои плюсы

и минусы: с одной стороны, как и в случае с очерком о размежевании, весь процесс дан через практики, и мы не теряем ни население, ни участников посольств, ни властей, стоящих за ними, которые взаимодействуют в условиях «разделенного пространства». Такая оптика существенно расширяет наш взгляд на эту тему. Но, к сожалению, форма в этом случае неизбежно проигрывает содержанию, отчего очерк напоминает некий перечень, причем и сам автор начинает в нем путаться.

Например, в очерке большое внимание уделено посольству Б. И. Пушкина 1633 г. После описания пути следования посольства на шведскую сторону и его возвращения (с. 307–315) автор пишет о том, с какими трудностями встретились власти при попытках собрать суда для этого посольства, чтобы отправить его по р. Луге. Описание данных событий снабжено отдельным подзаголовком, а между тем логично было бы поместить его в общий параграф об этом посольстве, ведь сбор судов происходил в апреле–мае 1633 г., и описание деталей посольства этого времени уже было дано выше (с. 315–318).

Замечательный материал, касающийся формирования системы охраны границ (и самому этому понятию) собран А. А. Селиным в V очерке. Автором показана динамика мероприятий, которые постепенно складывались в то, что к концу XVII в. можно было назвать «системой охраны». При этом автор отмечает различные факторы, влиявшие на данный процесс. Отдельный интерес представляют мероприятия, вызванные мнимой или реальной опасностью распространения эпидемий. Серьезность отношения властей к такой опасности демонстрируют не только решения о закрытии границы, усилении застав, но и меры по нераспространению болезни за пределы пораженной территории: велено было осекать лес вокруг таких мест и строго предотвращать всякую возможность проникновения жителей за пределы поселения, оказавшегося в карантине (с. 394). Надо отметить, что приводимый автором материал, касающийся карантинных мер, заслуживает особого внимания исследователей, занимающихся темами, которые можно отнести к проблематике *disaster and diseases*, тем более, что на русском материале раннего нового времени эти темы пока представлены слабо.

Как и в других случаях, очерк насыщен конкретным и ценным материалом. Но этот материал следовало бы поставить в более

широкий исторический контекст. Граница, являясь символом государства в том новом понимании, которое формируется именно в XVII в., была маркером сложных и разнообразных процессов, происходивших в том пространстве, которое она очерчивала. Отмечая заставу в Тесове, которой были присущи «ярко выраженные пограничные, контрольно-таможенные функции» еще при Иване IV (с. 410), автор далее дает краткие очерки других застав русско-шведской границы. Было бы полезно суммировать эту информацию по тем функциям, которые они выполняли. Кроме того, трудно согласиться с мнением автора относительно времени, когда граница в Ингрии «захлопнулась»: А. А. Селин связывает это явление с мероприятиями 1629–1630 гг., вызванными эпидемией чумы в Европе. Но из других очерков можно сделать вывод о том, что в 1629–1630 гг. ужесточение контроля на границе было все же в большей степени именно карантинной мерой, в то время как настоящее «закрытие» происходит около 1650-х гг. Если поставить эти меры в один ряд с другими событиями того же времени — попытками налоговой реформы, принятием нового Уложения, религиозной реформой — возникает вопрос: что все это означало? Были ли это логичные шаги, отражающие ход развития раннего современного государства или что-то иное?

В этом же контексте возникает вопрос о том, что могло означать принятое в 1649 г. решение о начале размена перебежчиками, когда за «лишних» людей, перебежавших на русскую сторону, московские власти согласились выплатить немалую сумму в 190 тыс. рублей. Но ведь еще накануне в Москве остро стоял вопрос о насыщении казны деньгами, откуда такие «резервы»? Или неудачная соляная реформа была не столь уж неудачной и в казну за короткий период до отмены двугривенной пошлыны удалось все же собрать необходимые средства?

Очерки VI и VII посвящены пространству и людям приграничной территории. Среди других вопросов, рассмотренных в первом из них, детально анализируется вопрос об этническом составе населения и роли миграционных процессов в его изменении. В частности, автор приводит данные по ижорскому населению Лужского уезда в сравнительной перспективе от 1670-х до 1848 г. Резюмируя, А. А. Селин пишет о том, что «значительная часть деревень Тесовской волости XVII–XVIII вв. в середине XIX в. были заселены ижорами» (с. 479). Но, обратившись к данным приве-

денной таблицы (которая по неизвестным причинам лишена номера и заголовка), мы видим, что в действительности лишь 1/3 часть этих деревень была отнесена в 1848 г. к ижорским: из 24 населенных пунктов, отмеченных для 1674–1676 гг., по данным Кеппена в 1848 г. значатся только 7, плюс 5, не входивших в XVII в. в Тесовскую дворцовую волость (из них одна, д. Низовка, оказывается населенной семьями, вышедшими из «ижорской» д. Чаща).

В целом, в данной части книги А. А. Селин ставит важную задачу, но справляется с ней только наполовину. Приведенный материал требует концептуализации, рамки которой как будто заданы автором в названии очерка VI, корреспондирующего со следующим, посвященным богатой палитре повседневной жизни населения по обе стороны границы. Следуя логике рассказа, сначала мы должны, используя метафору театра, получить представление о «сцене» и «актерах», а затем погрузиться в жизненные коллизии, драмы, трагедии, которые они перед нами «разыгрывают». Но столь логичное построение нарушается самим автором, который неожиданно перескакивает с одного сюжета на другой или не вполне дифференцирует имеющийся материал. Так, параграф с несколько легкомысленным названием «Другие замечательные местности в приграничье», посвященный колонизации пространства вдоль течения р. Невы², правильнее было бы поместить или в самом начале очерка VI, или, по крайней мере, до параграфа о дорогах.

Как тонко отметила В. Кивельсон, к исследованию которой Адриан Александрович обращается в других случаях, «пространство» и «место» как в языке, так и на чертежах и планах имели четко выраженное различие в смысловом наполнении. Если первое означало территорию вообще, нечто неуправляемое, аморфное, не подчиненное человеческой и государственной воле, то последнее, напротив, подразумевало то, что было «приручено», освоено, конкретно и включено в повседневную жизнь³. Для Московско-

² С подзаголовком первого пункта «Колонизация Невы» согласиться и вовсе нельзя, т. к. в этом случае речь должна идти скорее о том, как население приспособляло к своим нуждам реку, и это было бы прекрасным дополнением к сюжету о дорогах, но в том и дело, что в тексте об этом не сказано ни слова.

³ Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012. С. 90.

го государства проблема превращения «пространств» в «места» была одной из важнейших, но справлялось оно с ней плохо. Здесь, на ограниченной территории, Швеция также столкнулась с проблемой русского «пространства». Отличались ли инструменты, используемые обеими сторонами, в попытках превратить «пространство» в «место»? Как стороны использовали «человеческий ресурс» в решении этой задачи? Какие практики демонстрировало само население? Как представляется, осмысление материала в подобном ключе могло бы стать плодотворным.

Очерк VII автор посвятил сюжетам, которые он справедливо относит к повседневной жизни, отдавая отчет в том, что актовые материалы вообще, а источники судебного характера тем более, дают скорее картину «кривого зеркала», перекося в котором связан с «девиацией, не-нормой» (с. 539) обычной жизни. Очерк насыщен конкретным материалом, но его недостатком является довольно слабая аналитическая сторона. Будучи признанным специалистом по политической истории периода Смутного времени, А. А. Селин способен виртуозно вписать микроуровень повседневных практик приграничной жизни населения в большие политические сюжеты. Но вот экономические реалии XVII в. автору знакомы гораздо хуже, что заметно даже в том, как он употребляет специфические термины. Например, на протяжении всей книги (а значит, этот случай нельзя отнести к опискам) Адриан Александрович настойчиво именует систему найма крестьян на земельный участок или посадских жителей на выполнение какой-либо работы «поДрядом» вместо «порядка», что является ошибкой, особенно в случае с крестьянами (см., например: с. 472).

Не совсем понятно, что автор имел в виду, говоря о том, что «дух меркантилизма долгое время был чужд московской политической (выделено мной. — М. Д.) культуре» (с. 571). Идет ли здесь речь о меркантилизме как экономической теории или, скорее, еще только системе теоретических взглядов, получивших в это время распространение в политических и торговых кругах Европы? В этом случае ее влияние на взгляды, скажем, Алексея Михайловича не настолько хорошо изучено, чтобы можно было говорить что-то определенное. Во всяком случае, те, оказавшиеся неудачными, попытки решить вопрос о насыщении казны деньгами, которые им (или его окружением) были предприняты в 1646, 1650-х и 1660-х гг., с точки зрения меркантилизма как раз выглядят

вполне адекватно. Другой вопрос, каков был результат приложения этих инструментов к московской действительности и почему из Московии не получилось, например, Голландии⁴. Если же автор, употребляя слово «дух», имел в виду само стремление к прибыли ради прибыли (деньги как самоцель), то в этом случае, с некоторыми оговорками⁵, с замечанием автора можно согласиться. Не ясно только, зачем этот «дух» прикладывать к некой «политической культуре», поскольку речь идет о явлениях экономических.

При работе с таким объемом актового материала неизбежно встает вопрос о циркуляции документов, но, к сожалению, в книге А. А. Селина он практически не рассмотрен. Между тем, в некоторых случаях, обращение к нему было бы полезно даже с точки зрения верной реконструкции описанных событий. В очерке VII автор обращается к истории убийства одним из перебежчиков двух своих товарищей («Убийство в Солецком погосте в 1622 г.») (с. 560–562). Автор некритически отнесся к имеющемуся материалу и выбрал простейший путь для восстановления событий, идя вслед за документами.

Приводимая автором хронология событий этой истории выглядит следующим образом: в 1619/1620 г., по словам пойманного и допрошенного убийцы, три крестьянина переходят на шведскую сторону, их тут же забирают в кнехты и отправляют в Нотебург. Почти сразу три кнехта бегут из гарнизона Нотебургской крепости, в начале февраля 1621 г. для их розыска на московскую сторону отправляют специальную команду, но цели она не достигает. Тем временем кнехты поселяются в поместье Н. В. Вышеславце-

⁴ Полагаю, этот вопрос вообще заслуживает отдельного современного исследования.

⁵ Надо заметить, что «экономическая культура» населения Московии XVII в. также почти не изучена. Исследования В. А. Аракчеева, как и ряд других, преимущественно касались верхушки торгового населения, в то же время об экономических практиках среднего горожанина или крестьянина мы имеем слабое представление, поскольку длительное время приоритетом социально-экономической истории было то, что можно назвать «общим планом»: таблицы движения цен, земли, etc. Вероятно также, при оценке «экономической культуры» москвитов следует помнить о степени влияния на нее религиозных представлений, которые в рамках ортодоксальной догматики не были тождественны протестантизму. Нажива ради самой наживы осуждалась, в то время как конвертация наживы в социальные привилегии была вполне допустима.

ва, принимают православие и женятся на местных дворовых девах. Об этом становится известно шведским властям, и в январе 1622 г. (?) они напоминают об этом деле новгородскому наместнику. Через полгода своего проживания в поместье, «вскоре после Пасхи», бывшие кнехты были посланы в лес за сучьями, там и произошло убийство, а уже 5 июля (автор относит документ к 1622 г.) убийца был доставлен в Новгородскую приказную избу самим Я. Н. Вышеславцевым, сыном помещика. При этом в итоговом отчете новгородских властей в Посольский приказ нет сведений о побеге Оллуя из-под стражи. Сам отчет сохранился без начальной части, и А. А. Селин датирует его по-разному: в тексте он пишет о январе 1623 г., а ссылается на документ с датой не ранее 1 января 1622 г.

Так как прожили в поместье кнехты всего полгода, то их побег из крепости произошел осенью. Приведенная автором цитата о том, что побег произошел в 129 г. дает только один вариант — осень 1620 г. Но в этом случае остальные даты следует «сдвинуть» на год: убийство должно было произойти весной 1621 г., летом того же года (если только не предполагать, что Вышеславцевы сознательно или по незнанию укрывали его целый год) убийца взят под стражу и допрошен, а в январе уже 1622 г. отчет составлен и отправлен в Посольский приказ. Вполне возможно, что и шведская сторона повторила свой запрос не до, а после получения сведений об убийстве.

Документы, использованные для исторического построения без предварительной критики, дают разнообразные даты, сильно запутывающие дело и порождающие казусы. В результате в истории появился ряд странностей, когда одного и того же участника событий, убийцу Оллуя-Романа, то ли ловят дважды, сначала в январе, а потом в июле 1622 г. (причем автор почему-то посчитал, что это разные люди), то ли возникает вариант «еще одного» бывшего кнехта (оживший убитый? ошибка в документах?). Или Вышеславцевы укрывали убийцу, но тогда почему они его сдали? Такую же ситуацию мы видим на страницах Очерка II, где описан похожий случай с запутанной документацией (с. 117–119).

К сожалению, отказавшись от тщательного внешнего анализа источников, автор попал в ловушку сложных переплетений и перекрестков этих дел, и не во всех случаях смог соединить разрозненные части в целую картину. В некоторых ситуациях при анализе

материалов автором были допущены ошибки в установлении дат, а при соединении отдельных документов не были выверены все детали. В итоге мы видим, например, заголовок на с. 562 «Убийство в Орлине 1 мая 1630 г.», а в следующей строке читаем, что убийство произошло 1 мая 1629 года! И судя по дальнейшему изложению событий, это действительно был 1629 г. Но следя за развитием дела, на с. 564 мы читаем о получении 23 мая официального письма нарвского губернатора по этому вопросу в Новгороде и вновь видим ссылку на документ, датируемый около 23 мая 1630 г. Между тем остальные документы приведены с датой 1629 г. Другой случай относится к описанию в этом же очерке Псковского конфликта (с. 578–579), который в подзаголовке датирован 1618 г., но уже со второго абзаца и далее речь идет о событиях, относящихся к 1617 г. Ошибка, как в первом, так и во втором случае, связана с атрибуцией документов, содержащих сведения об этих событиях.

Очерк VIII, вобравший в себя результаты полевых разысканий автора, логично завершает рассмотрение «границы», концентрируясь на том, какой след она оставила как сконструированное пространство и «фактор напряжения» (с. 643) в исторической памяти. Предложенный А. А. Селиным подход, соединяющий методы археологии и устной истории, позволяет ему близко подойти к проблемам современной истории памяти, которая рассматривает различные пути и факторы формирования образов прошлого. Отмеченное автором изменение семантической нагрузки материальных объектов границы, соединенное с формированием вокруг них мифологического поля, фактически означает конструирование нового, третьего пространства, имеющего свои правила игры, — пространства исторической памяти. Так, на протяжении всей книги «граница» предстает перед нами как сложное многоуровневое «пространство» в широком смысле этого слова — территориальное, культурное, мемориальное.

К сожалению, автору не удалось избежать многочисленных ошибок и описок, серьезно портящих впечатление от книги. Так на с. 363 сын боярский Дементий Тушин, прибывший на службу на Тесовскую заставу, неожиданно для читателя превращается сначала в Дементия Пущина, а потом обратно в Дементия Тушина. Разумеется, мы имеем дело с опиской автора, который перепутал в этих строках Дементия Тушина и Дмитрия Пущи-

на, речь о котором идет в следующем очерке (с. 363). При описании ладожского рода посадских людей Гиблых немного разными словами дважды дана одинаковая информация об Антипе Гиблом (с. 469). Фамилия Ф. Блума пишется то «Блом», то «Блум» (с. 117–119, Блум Ф. — в указателе имен, см. с. 803).

Но в некоторых случаях небрежность автора гораздо серьезнее. В Очерке V при описании ситуации на границе в условиях слухов о моровом поветрии в Ингерманландии в 1629 г., когда происходило укрепление границы с целью предотвращения возможного перехода больного населения на русскую сторону, автор пишет о прибытии 4 октября 1629 г. в Тесово П. С. Оболянинова, который устроил три дополнительные заставы — «в Зверинском монастыре, в д. Бежаны на Луге и в д. Слудицы на Оредеже». А буквально в следующем абзаце мы читаем о приезде в Тесово 8 октября сына боярского Григория Елагина и о том, что Оболянинов выставил «еще одну» заставу, «на Ямской рубез на Лугу реку в деревню Бежаны». Наконец, следующий абзац вновь сообщает нам о том, что были выставлены дополнительные заставы, разумеется, в д. Бежаны и на Оредеже в районе Егорьевского погоста. Сколько же застав в д. Бежаны было выставлено? Если все эти документы должны подтвердить сведения, приведенные автором выше, то, вероятно, следовало оформить их иначе. К тому же в последнем случае в тексте сделана отсылка к приведенной здесь карте 26, где находим две заставы на Оредеже и все-таки, как и ожидалось, одну — в д. Бежаны (с. 384–385).

Неоспоримым достоинством книги являются приложения. Приложение 1 представляет собой список дел Посольского стола Новгородской приказной палаты («Порубежные акты»), входящих в фонд 109, материалы которого составили основу исследования. Список предварен краткой, но информативной справкой о составе и истории фонда и его документов. Возможно, для удобства обращения к списку, его следовало бы снабдить также отсылками к номерам документов, публикуемых в Приложении 2. Поскольку список выстроен в хронологическом порядке, поиск в нем документа из этого Приложения напрямую, по архивному номеру, несколько затруднен.

Приложение 2 является публикацией части документов из фонда 109. Введение их в научный оборот является важной историко-лингвистической задачей и расширяет возможности дальнейших ис-

следований в этой области. К сожалению, сама публикация имеет ряд существенных недостатков. Прежде всего, автор не счел необходимым предварить публикацию документов начала XVII в. археографическим введением, как это принято делать. В результате, читатель и исследователь могут лишь гадать, какими критериями руководствовался автор публикации при отборе документов, каковы принципы передачи текстов и характер археографических комментариев.

Небрежное отношение к этому вопросу привело и к другим досадным недочетам и даже ошибкам. Так, видимо полагая, что в основном в публикацию отобраны небольшие документы, занимающие 1–2 листа, и их расположение указано в легенде, автор не обозначает номера листов (сставов) при передаче текста документов. Это вполне было бы допустимо при условии соответствующей оговорки в археографическом введении, которое, увы, отсутствует. Кроме того, этот, введенный по умолчанию, принцип не всегда и не везде соблюдается. Так, ряд документов, вероятно, содержит текст, расположенный не на каждом пронумерованном сставе, в публикации это обозначено указанием номера порожнего сстава между косыми чертами в середине передаваемого текста (*//Сст. 3//*) (с. 779–781, док. 39–40 и др.). Общее количество сставов не указано, номера сставов с текстом также не обозначены. Не ясно также, писан ли какой-нибудь текст на обороте. Наконец, в Приложении 2 опубликованы документы, объем которых превышает 2 сстава, например документ 28 (с. 768–771)⁶, 29 (с. 771–773), 36 (с. 776–777), 42 (с. 781–785) и некоторые другие. В результате читатель лишен удобного и необходимого инструмента для ориентирования в тексте источника, поскольку ему приходится пересчитывать количество разделительных знаков (косые черты) для определения номера листа заинтересовавшего его отрывка.

В Приложении не оговорены принципы употребления круглых и квадратных скобок, между тем они не соответствуют в полной мере общепринятым правилам, гласящим, что круглые скобки могут использоваться для обозначения гаплографии, квадратные — для передачи утраченного и восстановленного текста

⁶ Следующий за ним документ имеет к тому же ошибочный номер «29», или ошибка содержится в номере док. 27.

с соответствующим обозначением утраченных знаков или иными примечаниями, за исключением случаев понятных и не требующих оговорок. Текст, пострадавший в результате механического воздействия, а также пропуски, сделанные писцом (например, пропуск повторяющегося имени или даты), передаются обычно в угловых скобках⁷. В данной публикации угловые скобки не встречаются и, судя по всему, вместо них использованы квадратные, но также без примечаний. В результате остается только гадать, что произошло с документом: был ли обозначенный фрагмент текста утрачен или мы имеем дело с пропуском по вине (или воле) писца. Употребление круглых скобок и вовсе многообразно и загадочно: ими обозначена явная гаплография, в них заключены опущенные в тексте окончания слов или пропуски букв, причем вставка, предложенная автором публикации, не оговорена и далеко не однозначна⁸. Наконец, в ряде случаев в круглых скобках мы видим многоточие, вероятно обозначающее также некий пропуск текста, но тогда чем этот случай отличается от того, который заключен в скобки квадратные⁹?! Что нам хочет этим показать автор публикации?

Не совсем корректно оформлена легенда: указание на подлинность или список документов дано до указания его места хранения, в ряде случаев отсутствуют данные о количестве сставов (или листов), недостаточно информации о почерках.

К сожалению, отмеченная небрежность при подготовке публикации оборачивается тем, что работа с предлагаемыми, крайне интересными, материалами затрудняется, превращаясь в разгадывание шарад. Смысл любой публикации документов состоит, прежде всего, в том, чтобы корректно ввести их в научный оборот и предоставить возможность исследователям эффективно использовать данные материалы. В противном случае достаточно простого списка дел и отсылок к местам хранения самих документов.

С точки зрения оформления научного аппарата книги не совсем удобна и кажется странной предложенная автором система

⁷ См.: Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.

⁸ Например, в док. 37 в скобки взяты по полтора–два слова, но почему предложена именно такая интерпретация, как и то, почему вообще она тут требуется, нигде не пояснено.

⁹ См., например, док. 40, с. 780–781, где на одной странице в одном и том же документе мы видим оба варианта: и (...) и [...].

сносок. Учитывая большой объем материала, можно понять, почему автор избегает сплошной нумерации сносок, но формат очерков вполне логично предполагает организацию сносок отдельно для каждого очерка. В данном случае при дальнейшей работе с текстом читателю было бы удобно ориентироваться в нем. В книге Адриана Александровича по непонятным причинам выбрана система возобновления нумерации сносок постранично. В этом случае найти какую-нибудь, к примеру сноску «2», в череде других таких же просто невозможно.

Объем собранного и исследованного автором материала впечатляет, но приходится признать, что в целом книга выглядит неровно: если очерки 3, 6, 8 выстроены довольно логично, материал источников дополнен качественной аналитикой, то в очерках 1, 2, 7 автор, а за ним и читатель буквально «тонет» в недостаточно структурированном и почти не подвергнутом анализу и концептуализации материале. Книга содержит довольно много карт и схем, но качество их выполнения также неровное, иногда не хватает важной для восприятия текста информации: например, на карте 26 (Заставы Тесовской округи) было бы неплохо все же указать линию границы, как это сделано на следующей карте 27 (Заставы Тигодской округи).

Как пишет в Заклѳчении сам автор, он попытался, опираясь на документы сохранившейся части Посольского стола Новгородской приказной избы, рассмотреть некоторые важные аспекты пограничной истории, представив взгляд «изнутри» или с обеих сторон. Учитывая специфику и принадлежность основного состава документов, взгляд получился (неизбежно) в большей степени «изнутри», что отнюдь не является недостатком книги.

С некоторыми выводами А. А. Селина согласиться сложно, и как представляется, иногда они сделаны скорее под влиянием некоторой «романтической увлеченности» автора и погоней за яркой формулировкой. Например, броско, но легковесно одно из итоговых замечаний А. А. Селина о том, что в Московии происходило «хищническое присвоение» (с. 661) достижений европейской мысли. По сути, в любой культуре А, отличной от культуры Б, использование достижений последней есть и было (и будет) строиться на приспособлении этих достижений (материальных или интеллектуальных) к своим практикам. И в этом случае оно неизбежно может казаться «хищническим» представителям куль-

туры Б. Кто будет стоять за этими «А» и «Б» абсолютно не важно. В последнее время теме всевозможных «переносов», «культурных трансфертов» и «переплетений» уделяется большое внимание, можно лишь коротко вспомнить о таких относительно недавно возникших направлениях в исследованиях коллег, как *cultural transfers* (англо-саксонская и немецкая школы), *entanglement studies* (преимущественно французская и американская). В рамках этих направлений постановка вопроса о «хищническом» или «не хищническом» присвоении культурного наследия была бы совершенно некорректной.

Представленный в книге материал столь разнообразен, что создает поле для дискуссий и дает возможность специалистам разных научных интересов расширить свое исследовательское поле. По сути, сама книга является своеобразным «пространством» для встречи и работы исследователей различных современных направлений исторической науки. Наиболее плодотворным кажется развитие предложенного автором взгляда на границу как на сложное «пространство» — нерасчлененное, аморфное, в котором пересекаются различные интересы и практики (культурные, административные, религиозные), создавая напряженное поле конфликтов и консенсусов.